ПОЛІС

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

М. В. Ильин,
Б. И. Коваль

Две стороны одной медали: гражданское общество и государство

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Ilyin_1992_1.pdf

URL:http://www.civisbook.ru

ДВЕ СТОРОНЫ ОДНОЙ МЕДАЛИ: ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО*

М.В. Ильин, Б.И.Коваль

Профессор. **В прошлый раз мы договорились специально обсудить вопрос о гражданском обществе. Тема весьма актуальная, причем для всех нас сравнительно новая.**

Ортодокс. **Пока, скорее, это просто мода. Только и слышишь отовсюду: у нас нет гражданского общества, нам нужно гражданское общество... Можно подумать, что здесь какая-то палочка-выручалочка, вроде рынка, о котором все мечтают. А ведь многие из тех, кто шумит по поводу гражданского общества, едва ли толком понимают, что же это такое.**

Философ. **Боюсь, что ваш упрек можно с полным правом адресовать и всей отечественной науке. Рассуждений о гражданском обществе много, а четкости в анализе этого понятия, увы, нет. Признаюсь, и у меня самого еще не сложилось о нем ясного представления. Поэтому так интересно обменяться мнениями.**

Я предварительно изучил многочисленные трактовки гражданского общества и могу сказать, что в мировой науке довольно последовательно выделяются две концепции, два подхода. Сторонники одного подхода рассматривают гражданское общество как своего рода *социальную универсалию,* как весь исторический комплекс общественных отношений, противопоставленных государству в любой его форме, т.е. как все, что не есть собственно государство, власть, администрация. Второй подход заключается в рассмотрении гражданского общества как *конкретного феномена западной цивилизации,* т.е. как формы существования буржуазного (рыночно-демократического) общества. До этого никакого гражданского общества не было и быть не могло. Что же касается посткапиталистического общества, то оно, вроде, все более становится гражданским.

Культуролог. **Немецкое выражение biirgerliche Gesellschaft совсем не случайно отождествляет гражданское общество именно с буржуазным.**

Профессор. **Существует также точка зрения, связывающая возникновение гражданского общества с *появлением гражданина* как самостоятельного социального и политического актора, обладающего определенными правами и наделенного обязанностями.**

Доцент. **Но и в этом случае возможны две интерпретации: гражданское самосознание прямо связано с утверждением частной собственности и полисной политической культуры; или же это феномен, появляющийся только в эпоху буржуазных революций, как их социально-политический итог.**

Студент. **А не проще ли все эти подходы и интерпретации свести к формуле: гражданское общество — это все, что не является государством. Примерно так я понял статьи, которые читал.**

Культуролог. **"Все, что не..." — подобным образом серьезные определения не делаются. Кроме того, имеются такие явления, как, например, община, этнос, которые стоят как бы особняком и от гражданского общества, и от государства, хотя и соприкасаются с тем и другим. А есть и такие сложные элементы, как партии, включенные и в гражданское общество, и в государственную сферу, т.е. имеющие двойственную природу. Правда, при этом происходит определенное размежевание их "гражданских" и "государственных" функций.**

Профессор. **Надо учитывать, что и государство, и гражданское общество — это понятия *абстрактно-инструментальные,* в реальности они как бы погружены в**

*** Четвертая беседа цикла. См. "Полис", 1991, №№ 4, 5, 6.**

ИЛЬИН Михаил Васильевич, кандидат филологических наук; КОВАЛЬ Борис Иосифович, доктор исторических наук (Институт сравнительной политологии и проблем рабочего движения РАН)

обволакивающее их так называемое "глобальное общество" или целостное общество в самом широком смысле. И здесь существует немало структурных связей и элементов, которые частично переплетаются с государственными структурами, частично — с гражданским обществом. А кто-то просто "выпадает" на дно, теряет связи с обществом. Я имею в виду *нормальные* связи. Хотя и обитатели "дна", люмпены — это тоже формально граждане. Так или иначе складывается некая естественная среда, в которой взаимодействуют и противостоят друг другу гражданское общество и государство в качестве определенных социальных феноменов.

Философ. Но они все-таки чаще противостоят друг другу, то есть негативно самоопределяются относительно своей противоположности. Значит, мы вполне можем говорить о гражданском обществе как о негосударстве или даже антигосударстве.

Доцент. Антигосударство только в идее отрицает государство, а на деле — это ведь тоже разновидность государства, его зеркальный вариант типа "пролетарской диктатуры" или пугачевского "царства". По-моему, точнее всего говорить об идеальном типе гражданского общества как об *антитезе* государству, которая как раз и формируется в виде некоего социального, экономического, духовно-культурного пространства абсолютной *свободы частных лиц в их отношениях друг с другом* — в противовес пространству столь же абсолютной регламентированности во внутригосударственных отношениях.

Профессор. Но было бы, конечно, ошибочно полагать, что гражданскому обществу присущ принцип абсолютной свободы-анархии, тогда как государству — позитивистский принцип "порядок и прогресс". На самом деле обе эти части реального общества живут одной жизнью, дополняя друг друга. Это две стороны одной медали. Я бы сказал так: без государства нет гражданского общества, а есть хаос, дезорганизация, распад. И наоборот, без развитого свободного гражданского общества нет демократического, правового государства, а есть тирания, тюрьма, насилие. Одно зависит от другого. Мы лишь нарочито отделяем их друг от друга — чтобы понять механизмы общественной жизни, степени свободы и несвободы граждан, уровни политического развития общества.

Культуролог. Данные возрождения весомы, но ведь наш коллега говорил о государстве и гражданском обществе как об *идеальных типах,* абстракциях. Эти идеальные типы и соответствующие им понятия возникли очень поздно, оформилось только в XVIII в. Может быть, решающим фактором стали попытки европейского абсолютизма создать абсолютное государство, то есть реализовать этот идеальный тип.

Ортодокс. Позвольте, но при чем тут абсолютизм XYIII в.? Государство возникло в глубокой древности — с образованием классов, как аппарат насилия одного класса над другим.

Доцент. Не буду покушаться на ваших "священных коров" истмата и обсуждать проблему: государство ли породило классы или классы — государство. Думаю, Вам будет непросто подыскать классовую подоплеку ранним протогосударственным потестарным отношениям, военной демократии, патриархальной деспотии. Берусь лишь утверждать, что само понятие "государство" и соответствующие словесные выражения — status, etat, estado, state и т.д. — утвердились в политических теориях и обыденном сознании, как убедительно показал кембриджский профессор Квентин Скиннер (1;2), в достаточно близком к современному смысле с XYII в., а фрагментарно и не слишком четко употреблялось на век — полтора раньше.

Ортодокс. Выходит, до этого не было понятия о государстве! Может быть, и самого государства не было?

Культуролог. Не горячитесь. Было и государство, были и понятия о нем. Не было абстракции высокого уровня. Но люди с самых древних времен осознавали и находили способы выразить свое понимание различных конкретных форм и типов государства: города-полиса, империи, королевства, княжества и т.п. У некоторых народов Севера нет в языке обобщающего слова "снег", но у них имеется множество понятий снега — в его самых различных конкретных видах и наименованиях.

Профессор. При этом, как всем вам, видимо, известно из журнала "Полис" (3), в течение долгого времени само выражение гражданское общество (civitas sive, societas civilis) отождествлялось именно с государством.

Философ. Точнее — не различалось, пока философы XYIII в. не развели их и не противопоставили.

Студент. Что-то не верится, что столько веков люди не могли различить государство и гражданское общество.

Культуролог. Различали, конечно, но четко не противопоставляли, так как одновременно видели и выражали в понятиях много разных аспектов и гражданского общества, и государства. Для древних греков вся общественная жизнь была политической, т.е. полисной (4). Так вот, помимо *полиса,* который обозначал и совокупность всех граждан, и городское поселение, и государство, у них было понятие *политии* — права гражданства, форма правления, конституция, конкретные особенности государственного управления. Существовало также понятие *политеймы* — основной политический принцип, гражданственность, государственность, государственное устройство.

Профессор. Связано все это было не с недостаточной аналитичностью мышления античных и средневековых философов, а с объективным наличием множества взаимосвязанных аспектов политической реальности. Это прекрасно выразил в свое время Ж.-Ж. Руссо, формулируя идею общественного договора.

> "Вместо отдельной личности каждого договаривающегося этот акт ассоциации немедленно создает моральное и коллективное целое, составленное из стольких членов, сколько собрание имеет голосов, — целое, которое получает путем этого самого акта свое единство, свое общее я, жизнь и волю. Эта общественная личность (personne publique), составленная путем соединения всех остальных личностей, называлась в прежние времена *градом* (cite), а теперь — *республикой* или *политическим телом* (corps politique), которое именуется своими членами *Государством* (Etat), когда оно недвижно, и *сувереном* (souverain), когда оно действует, в соотношении же с подобными ему — *державою* (puissance). Что же касается членов ассоциации, то они в совокупности получают имя *народа* (peuple), а по отдельности называются *гражданами* (citoyens) как соучастники суверенной власти (autorite souveraine) и *подданными* (sujet) как подчиняющиеся законам Государства" (5).

Философ. Обратите внимание на то, что Руссо выделяет прежде всего максимальную, всеобщую политическую ассоциацию людей, называя ее "политическим телом".

Культуролог. И делает при этом оговорку, что его также называют республикой в широком смысле, общественными делами, а раньше называли гражданской общиной.

Философ. Но при этом в политической ассоциации философ выделяет два аспекта — неподвижное государство и деятельного "суверена" — сообщество граждан. Они образуют диалектическую пару взаимного отрицания.

Студент. Но это же здорово похоже на нынешнее противопоставление гражданского общества и государства.

Доцент. Вот именно. Руссо, пожалуй, первым в политической теории столь четко и определенно противопоставил в своей концепции идеальной республики жесткую формальную структуризацию государства самодвижению ассоциации граждан. Характерно, что государство образуют *подданные,* а гражданское общество или, по терминологии Руссо, суверена — *граждане.*

Философ. Мне это очень импонирует: государство есть антитеза гражданскому обществу, как состояние власти — становлению свободы граждан.

Профессор. Такая антитеза выглядит яркой и привлекательной в контексте быстрого развития современной европейской цивилизации. Однако она уже не столь очевидна при обращении к традиционным, доиндустриальным цивилизациям. Характерное для них воспроизводство политических общностей через ритуалы и "естественные" циклы не поддается прямолинейному расщеплению на "состояние" и "становление". Возможно, что именно этим можно объяснить устойчивость тради-

ционных сообществ и сравнительную неустойчивость — современных. Кроме того, разного рода общинные образования (как унаследованные от прошлого, так и новейшего, коммунитарного толка) также ускользают от анализа в терминах дихотомии — состояние и становление, а эти образования составляют сегодня весьма заметный слой и на Западе, и на Востоке.

Ортодокс. Так что, как ни крути, а правы оказываются марксисты, которые связывают образование и укрепление гражданского общества с развитием буржуазных отношений. Эмансипированный капиталом буржуа, вышвырнутый ка рынок труда пролетарий — вот те чистые, абсолютно автономные граждане-горожане, которые, якобы, и составляют гражданское общество, На деле его образуют классы: господствующий же класс капиталистов создает государство как надстройку, как аппарат своего господства.

Культуролог. Значит, государство — инструмент господствующего класса, а гражданское общество — это взаимодействие классов?

Ортодокс. Верно, хотя не столько взаимодействие, сколько борьба классов.

Культуролог. Тогда выходит, что гражданское общество должно было появиться одновременно с классами и государством.

Ортодокс. В потенции — да, но свою четкую и явную форму оно приобрело только в буржуазную эпоху, когда классовый антагонизм эксплуататоров и эксплуатируемых предстал в своем чистом виде, без разного рода сословных и кастовых ухищрений. Вы с этим не согласны?

Культуролог. Что касается меня, то я предпочел бы трактовать эту проблему в терминах универсальных культурных форм: рационализации и иррациональной стихийности, централизации и децентрализации, Кстати, Энгельс, который должен быть для Вас авторитетом, как раз с охотой использовал подобные универсальные формы. Вот что он писал об интересующем нас периоде формирования буржуазного — гражданского — общества:

> "Разложение феодализма, а также развитие городов — оба (процесса) вызывали децентрализацию, отсюда возникла прямая необходимость в абсолютной монархии как силе, скрепляющей национальности. Она должна была быть абсолютной, именно вследствие центробежного характера всех элементов" (6).

В этом контексте логично рассматривать государство как политическое выражение потребности упорядочения и централизации, а гражданское общество или суверенную общую волю Руссо, — как проявление потребности децентрализации и свободы личности.

Профессор. В конечном счете, в вашем понимании государство и гражданское общество оказываются скорее культурными и экономическими феноменами, а ведь это вполне осязаемые *политические* реальности. Но мне не хотелось бы отвлекаться на критику этатистских и антиэтатистских построений» Обратимся к вполне конкретным общественным связям. Для устойчивых структур государства характерно преобладание *иерархических* связей, *вертикальных* отношений, для гражданского общества — *горизонтальных* невластных связей. Эти последние весьма разнообразны и образуют как бы несколько слоев. Фундамент составляют производственные отношения,, точнее — отношения, связанные с обеспечением жизнедеятельности общества. Второй слой — это социокультурные отношения, включающие семейно-родственные, этнические, религиозные и прочие устойчивые связи. Наконец, третий и верхний слой образуют отношения, связанные с индивидуальным выбором, с политическими и культурными предпочтениями, ценностными ориентациями. Здесь мы находим всякого рода группы интересов, политические движения, клубы, гражданские инициативы, партии и т.д.

Доцент. Соответственно, при изменении соотношений между современным государством и гражданским обществом происходит преобразование вертикальных связей в горизонтальные, и обратно. Церковь, сословия, цехи, рыцарские ордена, отмирая как государственные структуры, сохраняются нередко как образования гражданского общества. Напротив, отдельные институты гражданского общества по мере своего становления и развития превращаются в функциональные органы

государственности. Так было, например, с парламентом-"говорильней", этим голосом протогражданского общества средневековья. Потом то же самое произошло с политическими партиями, возникшими как противовесы абсолютизму государственной власти, но превратившимися в ключевые элементы государственных систем принятия решений и управления.

Философ. А нельзя ли рассматривать все эти горизонтальные и вертикальные связи как *взаимодополняющие* — по аналогии со знаменитым физическим принципом дополнительности, когда один и тот же электрон оказывается то частицей, то волной?

Доцент. Думаю, что вполне возможно, так как принцип дополнительности словно специально создан для описания отношений государства и гражданского общества. По этому принципу соотносятся состояние и становление. Один и тот же человек выступает, как в вашем примере с электроном, то как частное лицо, то как гражданин государства.

Студент. Получается какое-то раздвоение личности.

Ортодокс. Как раз это раздвоение личности, ее отчуждение и становится одной из главных язв буржуазного общества. Маркс писал:

> "Там, где политическое государство достигло своей действительно развитой формы, человек не только в мыслях, в сознании, но и в действительности, в жизни, ведет двойную жизнь, небесную и земную, жизнь в политической общности, в которой он признает себя общественным существом, и жизнь в гражданском обществе, в котором он действует как частное лицо, рассматривает других как средство, низводит себя самою до роли средства и становится игрушкой чуждых сил" (7, т. 1, с. 390 — 391).

Культуролог. Это замечание можно отнести и к обществу "победившего социализма", где также происходило раздвоение личности — между "небесным" состоянием "строителя коммунизма" с его активной жизненной позицией и "земным" стоянием в очередях, приспособлением к черному рынку безликой статистической единицы. Был "народ" и было "население".

Философ. Трагедия даже не в этом, а в том, что "население" наивно считало себя "народом". Этому способствовала вся официальная пропаганда по поводу "социалистического образа жизни".

Профессор. Да, следует признать, что образ-то жизни был именно "социалистическим", а не гражданским. Мне бы хотелось напомнить о марксовом взгляде на связь между гражданским обществом и правами человека:

> "...droits de Thomme — права человека, как таковые, отличаются от droits du citoyen — прав гражданина государства. Кто же этот homme, отличаемый от citoyen? Не кто иной, как член гражданского общества" (7, т. 1, с. 400).

Культуролог. Не хотите ли Вы сказать, что эта связка имеет универсальный характер.

Профессор. Для этого, полагаю, есть основания.

Культуролог. Но разве сегодня права человека не становятся политической проблемой, одной из важнейших забот государства, а обеспечение этих прав — критерием эффективности государственных институтов.

Доцент. Здесь кажущееся противоречие, ведь один из вас ведет речь о теоретических абстракциях, а другой — о стоящих за ними реальностях, точней, об одной реальности, которая мыслительно проецируется либо в плоскость гражданского общества, либо государства. В сегодняшней же практике мы понимаем права человека не абстрактно, а как фактические права живых личностей. От государственных же учреждений требуем обеспечить эти права, а не только гражданские права.

Профессор. При подобном прагматическом подходе, свойственном политологическим исследованиям нашего времени, противопоставление и взаимодополнительность государства и гражданского общества как бы сглаживаются. Фокус внимания переносится на их взаимодействие и взаимопроникновение. Да и в самой практике

творцы политики далеко отошли от от анархистских попыток обеспечить столь же абсолютную автономию личности, осуществить своего рода ее политическую робин-зонаду. Правилом ста *ленной личностной автономией.* Хороший пример тому — современное социальное государство.

Философ. Это, пожалуй, слишком односторонняя трактовка исторического опыта XX столетия. Сколько было здесь кровавых диктатур, попыток тотального огосударствления общества, перед которыми меркнет любой абсолютизм прежних веков.

Культуролог. Но это же ведь отклонение от естественного исторического развития, политическая аномалия!

Доиент. А разве такая аномалия возникла не естественным путем? Разве в основе не было стремления пусть властными методами, но ликвидировать болезненный разрыв между государствами и гражданским обществом, силой преодолеть двойственность личности и гражданина.

Профессор. В XX в. помимо разного рода сумбурных попыток возвращения к патриархальному и патерналистскому единству государства и общества (панчаят, Джамахирия и т.п.) обнаруживаются по меньшей мере три возможных теоретических подхода: "тоталитарное огосударствление", "отмирание государства", "социальное государство".

Студент. Фашизм и коммунизм потерпели крах. Социал-демократический, либеральный подход оказался эффективнее.

Ортодокс. Вы отмахнулись от "коммунистического эксперимента" как от явного провала. Действительно, он был неудачен, но — из-за исторической преждевременности и излишнего радикализма большевиков. По существу прогресс все же связан с отмиранием государства, а значит, с его поглощением гражданским обществом.

Культуролог. Это большой вопрос. Уж не хотите ли Вы сказать, что в наших бедах с "диктатурой пролетариата" было рациональное зерно, позитивный исторический смысл.

Ортодокс. Революция должна была защищаться, решать проблемы выживания. Тут уж было не до доктринальной последовательности. Однако, пусть даже стихийно, непродуманно и непоследовательно мы все-таки обращались к проблеме отмирания государства. Сначала пытались утвердить Советы как высшую форму демократии, самоуправляющейся общественности. Однако они огосударствились и бюрократизировались.

Философ. А потом были народный контроль и дружины? Ну, это же все несерьезно.

Ортодокс. Было кое-что более серьезное — партия, массовая, многомиллионная, которая должна была бы выступать как ум, честь и совесть общества. Но и здесь — из-за ошибок лидеров — вместо подчинения государственных структур произошло слияние с ними, огосударствление...

Культуролог. По-моему, Вы лукавите, а потому стараетесь усложнить и запутать довольно простые вещи. Были элементарная диктатура узкого меньшинства, технология установления и сохранения ее господства ради самого господства, самосохранения.

Профессор. Как бы то ни было, в XX в. наиболее активные и содержательные политические процессы идут в сфере взаимодействия гражданского общества и государства. Можно высказать предположение, что как раз в этом общем пространстве, где в основном разворачиваются социальные и политические движения, и находится мотор всего политического развития, определяя и тип государства, и характер гражданского общества.

Доцент. Это лишь одна из возможных интерпретаций. Если даже оставаться на позициях дихотомии государства и гражданского общества, то можно зафиксировать целый набор оригинальных трактовок их соотношения. Опередили свое время размышления на эту тему Антонио Грамши, проанализировавшего несколько возможных подходов к проблеме. Он рассматривал вариант подчинения государства гражданским обществом, но, в отличие от радикального марксизма, допускал возможность сохранения государства как подчиненной политической структуры внутри гражданского общества. Другой подход Грамши допускал установление баланса

между государством и гражданским обществом — за счет равномерного распространения гегемонии, осуществленной идеологиями, которые пронизывают всю общественную ткань. Наконец, третий вариант предполагал, что гражданское общество станет почвой развития гегемонии. Она затем может быть распространена и на государство, и на экономический базис. Последние с разных сторон противостоят гражданскому обществу.

Философ. Идеи гегемонии в какой-то мере перекликаются с представлениями Мишеля Фуко о переходе от чисто репрессивного типа власти абсолютного государства к дисциплинированию, паноптизму, т.е. к всеобщей поднадзорное™, разлитой во всем обществе. Однако репрессивное государство не отбрасывается, а подчиняется дисциплинирующей власти-знанию, более того — становится ее эффективным проводником.

Доцент. Из числа современных теоретиков я бы выделил американца Олвина Гоулднера. Этот автор отмечает внутреннее усложнение современного гражданского общества, в котором развиваются и кристаллизуются специфические негосударственные институты. Они объединены тремя планами, или разрезами, гражданского общества: *легальностью* (институты гражданского правосознания и правозащиты), *плюральностью* (институты автономного ассоциирования граждан), *публичностью* (институты коммуникации и взаимодействия граждан). Развитие этих структур позволяет сформироваться новому интеллектуальному классу, который благодаря критической рефлексии, обладанию "культурным капиталом" и развертыванию специфического дискурса может оказаться в состоянии осуществить целостную эмансипацию граждан.

Профессор. Подобные построения вообще характерны для многих современных левых теоретиков. Нередко они проводят различие между "старым", "отживающим" типом гражданского общества и теснящим его "альтернативным" обществом новых социальных движений, коммунитарности, контркультуры.

Доцент. Со своей стороны неоконсерваторы, а точнее — радикальные неолибералы, пытаются переосмыслить роль государства. От незамысловатых идей "облегчения государства", теряющего свою эффективность, начат переход к поиску позитивного содержания государственной политики в области правозащиты, экологии. Развиваются идеи перехода от управления к управляемости (gouvenance), когда большинство управленческих решений принимается, минуя иерархические структуры (8). Еще один путь облегчения участи государства заключается во внедрении *принципа субсидиарности,* т.е. процесса принятия решений на максимально низком уровне и передачи этого процесса наверх только в тех случаях, когда на данном уровне он принципиально не может быть осуществлен.

Профессор. Все эти весьма разнообразные теории на свой лад отражают объективные сдвиги в соотношении между государством и гражданским обществом. На мой взгляд, такие изменения связаны с понижением потенциала противостояния между ними. Классовый характер одного и силовая природа другого заменяются родственной системой *плюрализма интересов.* Лицо и государства, и гражданского общества определяется сегодня множественностью групп интересов, их переплетением, многообразием социальных ролей индивидов.

Доцент. А это значит, что возрастает роль коммуникативных процессов, т.е. политических взаимодействий самого сложного и высокого класса.

Ортодокс. Уж не хотите ли Вы и тут все снова разложить на свои излюбленные три уровня?

Доцент. Это скорее не уровни, а умозрительные стадии. На первой — общество состоит из изолированных субъектов. Этому абсолютно атомизированному обществу отвечает столь же абсолютно репрессивное государство. Вторую стадию отличает функциональное, экономизированное гражданское общество и столь же функциональное бюрократизированное государство. На третьей стадии развивается сфера общения, которая расширяется, обволакивая и государство, и гражданское общество. В результате образуется то, что западные теоретики называют информационным обществом или экологической цивилизацией.

Ортодокс. Но это все утопии, фантазии.

Доцент. Не в большей мере, чем рассуждения о "неизбежном коммунизме". И уже сегодня эти начала коммунитарности и коммуникативности явно начинают выступать на первый план, как показал, например, Ю.А.Васильчук в своей серии статей о проблемах развития общества эпохи НТР в журнале "Полис" (9). Особенно нас должна заинтересовать его последняя статья, где как раз обсуждаются перемены, происходящие с гражданским обществом. Какие это перемены? Во-первых, классовая структура заменяется более дробной и более гибкой социальной структурой. Во-вторых, возникает как самостоятельный и мощный фактор

> "солидарность подчас совершенно самостоятельно действующих индивидов для преодоления незаконных нарушений гражданских прав и обеспечения законного доступа к материальным и нематериальным ресурсам" (9, №4, с. 7).

Но самое главное — развивается сеть контрактных отношений, контактов и трансакций экономически самостоятельных граждан, что в условиях информатизации производства и потребления создает объективные условия для того, чтобы семья как средоточие наиболее интенсивного общения стала определяющей социальной ячейкой общества. А в дополнение, как пишет Ю.А.Васильчук, формируется мощная сеть общения посредством разного рода гражданских и коммунитарных инициатив, начинающих взаимодействовать в поистине всемирном масштабе.

Культуролог. Я бы подчеркнул возрастание роли культурных обменов и идеологических взаимодействий, когда само благополучие нашего духовного мира поставлено в зависимость от интенсивности общения, контактов, в том числе транскультурных и трансязыковых.

Философ. И гражданское общество оказывается более отзывчивым на эти вызовы времени, чем государство. Перемены нарастают, но растет и стремление гражданского общества к самопознанию и самоконтролю. Здесь возникают новые формы политической культуры. Они должны усваиваться и государством, что в условиях все большего культурного разнообразия позволит достичь целостности и интегральности мировой политической культуры.

Профессор. Теперь, по традиции, заключительные вопросы и короткие ответы, реплики.

Студент. Так как же у нас в стране обстоит дело с гражданским обществом? Если его нет, то что необходимо для того, чтобы такое общество построить?

Профессор. Начну с последнего вопроса. В том-то и сложность, что гражданское общество нельзя строить. Элементы гражданского общества существовали в России уже на рубеже нашего века, но процесс его вызревания был остановлен большевистской диктатурой. Более того. Можно сказать, что взаимосвязи, присущие гражданскому обществу, в своей значительной части ушли в подполье, приобрели криминальную окраску, ибо считалось преступным, незаконным все, *что* не было опосредовано, освящено, разрешено "коммунистическим" государством. Я полагаю, что три дня в августе 1991 г. стали вехой в изменении отношении общества и государства в России. Действительно, в эти дни граждане сами, по собственной воле пришли на помощь государству, защитили законно избранную ими власть.

Доцент. Для обсуждаемой нами темы принципиальное значение имеет понятие *правового государства.* Правда, некоторые теоретики к этому понятию относятся скептически, считая, что государство не может не быть правовым. Но в этом понятии заключено важнейшее требование гражданского общества к государству — правовыми методами обеспечивать социальную справедливость, защищенность каждого. Гражданское общество может существовать только в связке с правовым государством, т.е. там, где и государство в целом, и каждый гражданин в отдельности находятся в одинаковом положении перед законом, где установлены четкая иерархия законов, главенство конституции.

Ортодокс. Звучит привлекательно, однако это всего лишь теория, которая к нашей сегодняшней практике прямого отношения не имеет.

Профессор. Это не совсем так. На мой взгляд, именно дискуссии о гражданском обществе привели к тому, что соответствующий раздел оказался включенным в проект Конституции Российской Федерации (10). Очень важно, что в "Пояснитель-

ной записке" к этому проекту его авторы не ограничились общими политическими декларациями (увы — это стало своего рода болезнью), а попытались дать осмысленное представление о гражданском обществе в нынешних условиях. Возможно, что с точки зрения теории тут не все равноценно. Мне, например, представляется односторонним подчеркивание "спонтанности" гражданского общества, ведь процессы его создания и функционирования определяются в конечном счете объективным фактором — наличной политической культурой, Однако сам переход от "здравиц" в честь гражданского общества как некой чудодейственной палочки-выручалочки к попытке уяснить, *что* оно реально означает и может дать нам, представляет собой весьма позитивный факт. Вот как в "Пояснительной записке" говорится о тех проблемах, которые мы только что обсуждали:

> "Структуры гражданского общества создаются с целью удовлетворения многообразных потребностей людей по преимуществу спонтанно снизу, а не конструируются сверху, по приказу государства. Субъекты, составляющие гражданское общество (индивиды, коллективы) , юридически независимы друг от друга и взаимодействуют как свободные и равные партнеры. Гражданское общество "сцепляют" горизонтальные кооперационные связи, как правило, не знающие такой зависимости, как "веление (команда) — подчинение" (10, с. 7).

Философ. Мне прежде всего хотелось бы предостеречь от смешения понятий "независимость" и "формальное равенство" членов гражданского общества. Их формальное, юридическое, "гражданское" равенство как раз предполагает фактическое неравенство, вырастающее из функциональной специализации всех членов гражданского общества, а следовательно и взаимозависимость. Формальное же равенство всех граждан и субъектов гражданского права служит своего рода мерой, обеспечивающей возможность нормального взаимодействия неравных и функционально специализированных индивидов. Кроме того, и "веление" они знают. Это — требования закона.

Культуролог. Добавлю, — и культурных норм. Этого ни в коем случае нельзя забывать. Современные гражданские общества на Западе, которыми мы подчас восторгаемся, держатся не столько силой закона, сколько благодаря тонко отработанным, отточенным и согласованным друг с другом нормам человеческих взаимоотношений, а также политической культуры, качеству личностей.

Студент. Не преувеличиваете ли Вы значение политической культуры? Мне кажется, что это скорее предмет роскоши, без которого можно и прожить какое-то время. Культурой политическая система "украшается", так сказать, напоследок.

Профессор. Это слишком упрощенный взгляд. Политическая культура пронизывает политику снизу доверху. Но это особая тема.

1. Skinner Q. The State. — In: Political Innovation and Conceptual Change. 1989, Cambridge, p.90—131.
2. Skinner Q. Foundations of Modern Political Thought. Vol.1 — II. Cambridge, 1978.
3. Кравченко И.И. Концепция гражданского общества в философском развитии. — "Полис", 1991, № 5.
4. Драгунский Д.В., Цымбурский В.Л. Генотип европейской цивилизации. — "Полис", 1991, №1.
5. Rousseau J.-J. Du Contract Social. P., 1956, p. 68—69; Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права. М., 1938, с. 13—14.
6. Архив К.Маркса и Ф.Энгельса, т.Х, с. 356.
7. Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч.
8. См. например, Мушакодзе К. Политическая и культурная подоплека конфликтов и глобальное управление. — "Полис", 1991, № 3.
9. "Полис", 1991, №№ 1, 2, 4.
10. "Российская газета", 11.X.1991.